

«Где новый день — как новая беда...»

Блокадница Надежда Ивановна Кононенко (Агранова) сейчас живет в Сестрорецке на улице Володарского. А первая блокадная зима застала ее семью в поселке Разлив. В памяти маленькой девочки навсегда остались страшные воспоминания о том времени, о смерти родных, но эти воспоминания наполнены не только болью, но и светлым — памятью о тех добрых людях, которые помогли ей выжить.

— Прошло 75 лет со дня снятия блокады. Никогда — до самой смерти — не забыть нам то, что мы, блокадники, пережили в те страшные годы. Об этом писал поэт-блокадник Юрий Воронов «Неверно, что сейчас от той зимы остались лишь могильные холмы, она жива, жива, пока живые мы».

Зима 1941—1942 годов была лютая: морозы до -42 градусов. А ведь надо было отстоять очередь за хлебом. Спасибо нашим добрым людям — они пускали меня, девочку, погреться: ведь моя мамочка и крестная работали надомницами на швейной фабрике, и часто их не было дома. Они возили товар (перчатки с двумя пальцами) в Ленинград. А попробуйте в то время добраться до Ленинграда из Разлива! Это был подвиг!

В то время дети редко выходили из домов, но я занималась хозяйственными делами. По дому мне помогал дедушка, которого мы похоронили на Тарховском кладбище (в то время там была просто глубокая яма). Он умер 17 февраля 1942 года, а 21 марта от меня навсегда ушла моя любимая мамочка.

Она была удивительным человеком. Я никогда не слышала, чтобы она повышала голос, чтобы чем-нибудь была недовольна. Всегда улыбчива, приветлива со всеми. Все ее уважали, любили.

Я сама отвезла ее на Тарховское кладбище. По дороге мне помогли такие же обессиленные люди. А крестная — я называла ее Кокочка — в это время лежала совсем обессиленная. Я боялась и за нее...

Но сегодня я хотела рассказать о том, о чем мне не пришлось читать или слышать из других источников. Так получилось, что в какой-то момент наши поселки (Разлив, Тарховка, Александровская) не обеспечили хлебом. То ли непрерывающиеся обстрелы повредили дорожное полотно возле Горской, то ли это совпало с теми страшными днями, когда из-за остановки электростанции 23 января 1942 года три дня не работали хлебозаводы. Голодные люди не получали хлеба.

И вот в такой момент нам пришла помощь от наших защитников. Наши мамы говорили, что это сделали кронштадтские моряки. Они выделили на человека по 42,5 грамма сухарей, которые нужно было получать по нашим карточкам. Казалось бы, как немного — но они спасли нас. Моя школьная подруга Вера Ковальская до сих пор так и живет в своем доме на 2-й Поперечной улице. А в блокаду мы жили рядом. Она помнит этот факт и рассказывает, как тогда делили сухарь на троих...

Как часто приходится слышать и читать, что в наши дни было одно плохо, а другое

скверно. Но вот скажите, какими должны были быть ответственность, дисциплина, порядок, чтобы так быстро всё организовать ради нас? Если бы не эта бескорыстная помощь кронштадтских моряков, то половина, а может быть, и больше населения, которое осталось в поселке, умерло бы...

Я в первый день не получила сухарей — не досталось. Что делать?! Пришла к знакомым и сказала, что крестная не может двигаться — отекла. Они дали мне кусочек сухаря. Пришла домой, согрела нашего соснового чая и накормила свою вторую маму: не могла я допустить, чтобы она умерла. И она не умерла. Ее спасла доброта не родных, но ставших тогда родными людей! Те блокадные сухари из Кронштадта мне не забыть...

*Редакция благодарит
Татьяну Михайловну Свиридову,
друга семьи Кононенко,
за предоставленные воспоминания.*